

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (56)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Герман П.В. *, Леонтьев С.Н.

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Ленинградский проспект, 10, Кемерово, 650065
E-mail: lithos@mail.ru (Герман П.В.); lemosk1@mail.ru (Леонтьев С.Н.)

МАТЕРИАЛЫ ПОГРЕБЕНИЙ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА СЕРГУШКИН-3 В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ: К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И ГЕНЕЗИСА ЦЭПАНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Целью статьи является введение в научный оборот материалов погребений №№ 8 и 9 могильника Сергушкин-3 в Северном Приангарье. Вещевой комплекс рассматриваемых могил позволяет соотносить их с цэпаньской культурой раннего железного века, в то время как радиоуглеродные даты, полученные для образцов жженого дерева, а также ряд аналогий с сопредельных территорий дают основание предполагать более раннее время генезиса культуры на основе культурного импульса с территории Северо-Восточной Сибири в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова: Северное Приангарье, остров Сергушкин, погребения, эпоха бронзы, ранний железный век, цэпаньская культура, радиоуглеродное датирование.

Введение

Поселение и грунтовый могильник Сергушкин-3 дислоцированы на левом берегу о. Сергушкин в среднем течении р. Ангары (Кежемский р-н Красноярского края) в 2,5 км выше его нижней оконечности [Привалихин, 2009, рис. 1]. Культурный слой памятника сформирован многочисленными перекрывающимися друг друга стоянками неолита — средневековья (V тыс. до н.э. — X–XIV вв. н.э.). Помимо материалов поселенческого характера, за все время полевых исследований (1974–2011 гг.) на территории памятника было выявлено 24 погребения, из которых 4 отнесены к эпохе бронзы (№№ 2, 3, 5 [Привалихин, 2009] и 24 [Леонтьев, Герман, 2020]), 4 — к раннему железному веку (№№ 1, 4, 7 [Привалихин, 1987; 1993, с. 88–96] и 13 [Герман, Казакова, 2014]), 11 — к эпохе средневековья (№№ 6, 10–12, 14, 18–23 [Герман П.В., Герман В.В., 2011]). Культурно-хронологическая принадлежность еще пяти погребений (№№ 8, 9, 15–17) представляется дискуссионной. Целью настоящей работы является введение в научный оборот и предварительная интерпретация материалов двух наиболее репрезентативных из них.

Описание материалов

Погребение № 8 (рис. 1) зафиксировано на северо-западной периферии памятника в 3 м от бровки террасы. Выявлено по пятну прокаленной супеси охристого красно-коричневого цвета с четкими границами, имевшему форму неправильного овала размером 1,95×0,7 м, ориентированного по линии СЗ–ЮВ (параллельно береговой линии). В центре пятна фиксировалось включение черновато-коричневой супеси с интенсивными вкраплениями мелких древесных угольков. При выборке заполнения были встречены перекрывающие друг друга мелкие фрагменты костей скелета взрослого человека со следами термического воздействия разной интенсивности, куски жженой бересты, небольшие камни, испытавшие воздействие высоких температур, фрагменты горелого дерева.

При расчистке ямы были обнаружены фрагментированные кости скелета взрослого человека. У юго-западной стенки были сконцентрированы обломки обгоревших костей черепной коробки (лобной, затылочной, теменных). В юго-восточной части ямы был найден кусок горелого дерева с примыкающим к нему фрагментом правого крыла тазовой кости и компактным скоплением обломков пяти ребер, берцовой и лучевой костей и куска горелого дерева. По центру залегали обгоревшие длинные кости. У юго-восточного борта на дне ямы встречено два обломка нижней челюсти со следами термического воздействия разной интенсивности и зубы верхней челюсти. В северо-западной части могильной ямы обнаружена фрагментированная раковина моллюска класса двустворчатых — перловицы (*Unio*) или беззубки (*Anodonta*).

* Corresponding author.

Рис. 1. Сергушкин-3. Погребение № 8. План (1) и разрез (2).
Fig. 1. Sergushkin-3. Burial 8. Plan (1) and section (2).

Таким образом, куски горелого дерева и бересты преобладали в заполнении ямы, фрагменты костей локализовались у ее дна. Наиболее полно оказались представлены кости черепа и зубы верхней челюсти. От посткраниального скелета сохранились несколько ребер, позвонков, фрагменты тазовых костей, лучевая и малая берцовая кости левых конечностей, принадлежавшие женщине в возрасте 25–30 лет¹. По заключению Е.А. Кербс, характер найденных обломков свидетельствует, что горели уже мацерированные и разбитые кости.

В заполнении и на дне погребения обнаружены 2 каменные пластины и 17 отщепов, 4 неорнаментированных фрагмента керамических сосудов, 2 бронзовых клинка, 2 изделия из кости и каменный наконечник стрелы. Насыщенность слоя стоянки дает все основания полагать, что керамика и отходы каменной индустрии имеют поселенческое происхождение, остальные предметы являются сопроводительным инвентарем погребенного:

1) двулезвийный клинок из оловянистой бронзы² (рис. 1, 1.1) размером 153×25×3 мм с серповидным боковым профилем и двухсторонними спусками. Поперечное сечение асимметричное выгнуто-вогнутое, с узкими подводами. Короткий зауженный хвостовик с овальным сечением предназначался для всадного монтажа в рукоять (рис. 2, 1);

2) двулезвийный клинок из оловянистой бронзы (рис. 1, 1.3) размером 37×12×2 мм с отрезным боковым профилем и широкими слегка вогнутыми спусками с одной стороны полотна. На обломанном хвостовике присутствуют следы литейных швов, указывающих на то, что это не переоформленный фрагмент более крупного предмета, а отлитое в двусоставной форме полноценное изделие — вставлявшийся в рукоять резец или «косяк» (рис. 2, 2);

3) каменный наконечник стрелы из темно-серого кремня (рис. 1, 1.4) размером 42×17×5 мм. Форма пера подтреугольная со слегка «раздутыми» гранями и базой с полукруглой симметричной выемкой, образующей два шипа (рис. 2, 5);

4) фрагмент орнаментированной пластинчатой костяной накладки (рис. 1, 1.2) размером 29×14×4 мм с подшлифованной поверхностью. С лицевой стороны покрыт резным орнаментом, негативы которого представляют собой ряды частого зигзага с шириной шага около 3 мм (рис. 2, 4);

¹ Антропологические определения костяков в погребениях №№ 8 и 9 выполнены м.н.с. ИАЭТ СО РАН Е.А. Кербс (Казаковой).

² Результаты рентгенофлуоресцентного анализа этого и последующих медно-бронзовых изделий опубликованы [Герман, Савельева, 2010].

Материалы погребений грунтового могильника Сергушкин-3 в Северном Приангарье...

5) обломок костяной пластинчатой накладки плохой сохранности (рис. 1, 1.5) со слабым поперечным изгибом и мелким округлым сквозным отверстием. Размер фрагмента 43×33×3 мм (рис. 2, 3).

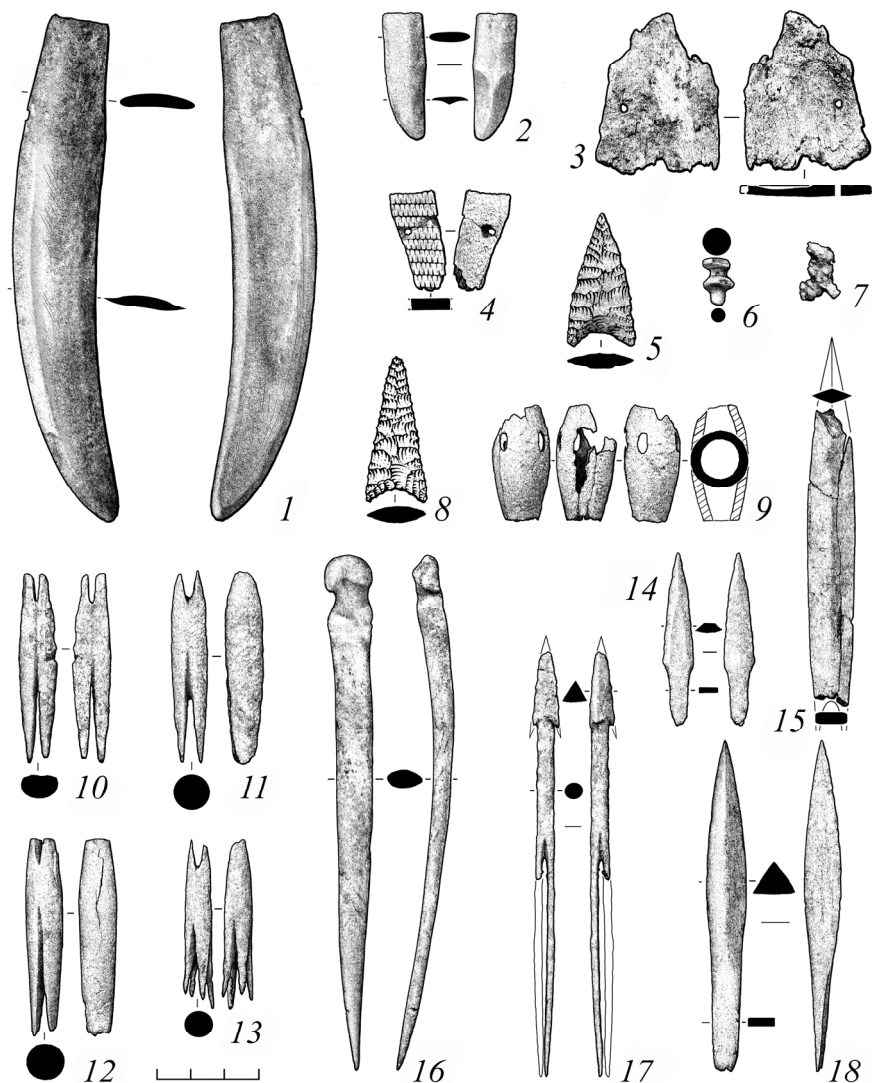

Рис. 2. Сергушкин-3. Инвентарь из погребений № 8 (1–5) и № 9 (6–18):

1, 2, 6, 7 — бронза; 5, 8 — камень; 3, 4, 9–18 — кость, рог.

Fig. 2. Sergushkin-3. Goods from the burials 8 (1–5) and 9 (6–18):

1, 2, 6, 7 — bronze; 5, 8 — stone; 3, 4, 9–18 — bone, horn.

Для двух образцов жженого дерева из погребения № 8 получены радиоуглеродные даты: 3165 ± 130 л.н. (SPb_147) и 2945 ± 130 л.н. (SPb_148)³.

Погребение № 9 (рис. 3) зафиксировано в 1,9 м к юго-западу (в сторону реки) от предыдущего, непосредственно на бровке склона террасы. Контур сохранившейся могильной ямы в почве зачищенного горизонта не прослеживался. Границы погребения установлены по локализации останков погребенных и погребального инвентаря — предположительно 1,7×1 м с ориентацией по линии северо-запад — юго-восток (параллельно реке). При выборке заполнения, в котором встречались кусочки жженой бересты и мелкие обломки горелого дерева, были расчищены останки двух человек — юноши 18–22 лет и девушки 16–20 лет с полностью нарушенным анатомическим порядком расположения костей и следами термического воздействия разной интенсивности.

³ Датирование образцов из погребений №№ 8 и 9 Сергушкин-3 проведено в Изотопном центре кафедры геологии и геоэкологии факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

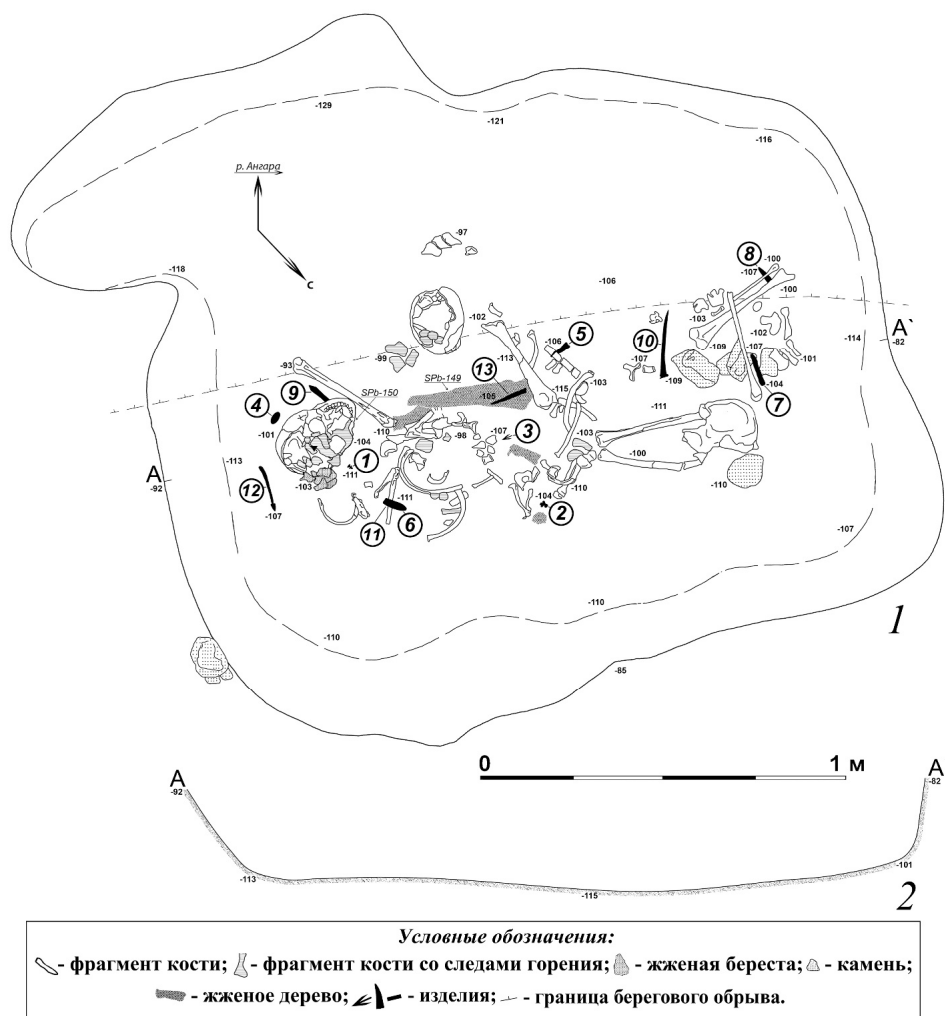

Рис. 3. Сергушкин-3. Погребение № 9. План (1) и разрез (2).

Fig. 3. Sergushkin-3. Burial 9. Plan (1) and section (2).

Мужской череп без нижней челюсти покоился на основании затылком к реке у юго-восточного борта могилы. Теменная часть полностью разрушена. В 0,35 м к западу от него под углом к продольной оси могилы лежала большая берцовая кость мужского скелета. Большинство же его длинных костей ног, рук и левой ступни располагалось в северо-западной части могилы, образуя компактное скопление с несколькими камнями.

Женский череп, расположенный в 0,3 м к востоку от мужского, был «уложен» на основание и нижнюю челюсть глазницами вверх, лицом в сторону первого черепа. Правая его часть заметно обгорела. Кости лицевого скелета сломаны и «вмяты» внутрь полости свода. Под черепом обнаружены фрагмент горелого дерева и крупный кусок жженой бересты. В противоположном северо-западном конце могилы параллельно ее продольной оси залегали тазовые кости женского скелета в сочленении с одной бедренной костью. Параллельно ей лежала бедренная кость мужчины. Близ северо-восточной стенки ямы находились ребра, позвонки, ключицы и лопатки обоих погребенных. Почти в центре могилы был обнаружен довольно крупный кусок горелого дерева, ориентированный по продольной оси ямы. Находившиеся рядом и под ним кости сильно обожжены.

Часть ребер, позвонков, женских костей рук, мужских костей правой руки, мужской правой лопатки, женской левой лопатки и некоторых других костей отсутствует. Наиболее полно представлены кости черепов обоих погребенных.

В заполнении погребения встречены отходы каменной индустрии и фрагмент керамического сосуда без орнамента, попавшие сюда из поселенческого слоя памятника. Помимо них обнаружен следующий сопроводительный инвентарь:

Материалы погребений грунтового могильника Сергушкин-3 в Северном Приангарье...

1) у черепа женщины — фрагмент бронзового изделия (рис. 3, 1.1) в виде стерженька размером 12×8 мм с двумя расположенными друг под другом дисковидными навершиями (рис. 2, 6);

2) в скоплении ребер и позвонков — бронзовый «сплеск» (рис. 3, 1.2), в виде аморфного сильно корродированного кусочка размером 17×8×3 мм (рис. 2, 7);

3) среди скопления фрагментов ребер и позвонков — каменный наконечник стрелы из темно-серого кремня (рис. 3, 1.3) размером 42×17×5 мм. Форма пера подтреугольная с прямыми гранями, база с полукруглой симметричной выемкой, образующей два шипа (рис. 2, 8);

4) у левой височной кости женского черепа — полая роговая обойма-насадка (рис. 3, 1.4) размером 34×17 мм раздутой бочонковидной формы со сквозной втулкой и четырьмя симметрично расположенными овальными отверстиями 6×3 см (рис. 2, 9);

5–7) в центре дна могильной ямы (рис. 3, 1.5), в скоплении фрагментов ребер и позвонков (рис. 3, 1.6) и среди длинных костей (рис. 3, 1.7), — три роговые обоймы с круглым поперечным сечением, раздвоенным щелевидным насадом в нижней части и глубоким прорезным пазом в отторгнутой верхней (рис. 2, 5–7). Размер их почти одинаков — около 50×10 мм (рис. 2, 10–12);

8) под скоплением длинных костей ног — роговая обойма (рис. 3, 1.8) с четырьмя шипами разной длины в нижней части и прорезным пазом — в верхней, размер 48×8 мм (рис. 2, 13);

9) с левой стороны от нижней челюсти женского черепа — костяной наконечник стрелы (рис. 3, 1.9) размером 49×9 мм ланцетовидной формы с черешковым насадом. Перо шестигранного сечения, при переходе к уплощенному черешку оформлены плечики (рис. 2, 14);

10) у скопления длинных костей ног — проколка из грифельной кости лося (рис. 3, 1.10) размером 149×15 мм (рис. 2, 16);

11–13) костяные наконечники стрел — близ скопления обломков ребер и позвонков (рис. 2, 1.11), в нескольких сантиметрах к северо-востоку от женского черепа (рис. 3, 1.12) и почти в центре могильной ямы (рис. 3, 1.13). Первый представлен фрагментом ударной части ромбовидного сечения. Вероятно, наконечник имел треугольное острие и уплощенный черешковый насад. Размер сохранившегося фрагмента 85×13 мм (рис. 2, 15). Вторым — наконечник с раздвоенным пинцетовидным насадом. Длина сохранившейся части насада 6,9 см. Ударная головка треугольного поперечного сечения выделена тремя направленными вниз шипами. Общие размеры предмета 123×8 мм (рис. 2, 17). Третий имеет асимметрично-треугольное сечение пера, плавно переходящего в уплощенный черешок насада, развернутый в одной плоскости с продольным ребром. Размер 94×11 мм (рис. 2, 18).

По двум образцам горелого дерева из погребения № 9 получены даты: 2790 ± 100 л.н. (SPb_381) и 2750 ± 100 л.н. (SPb_382).

Обсуждение

Сопроводительный инвентарь погребений включает пять категорий предметов: бронзовые клинки, наконечники стрел и дополняющие их насадки-посредники, проколка и фрагменты предметов неясного назначения.

Полноразмерный двулезвийный клинок из погребения № 8 (рис. 2, 1) является одним из определяющих маркеров цэпаньской культуры [Привалихин и др., 2015, с. 140–142]. В.И. Привалихин отмечает, что ближайшие аналоги этим изделиям с территории Восточной Сибири являются вторичными по отношению к цэпаньским [2011b, с. 167]. Данное утверждение представляется дискуссионным, поскольку найденные в Якутии и Забайкалье бронзовые двулезвийные ножи с серповидным изгибом часто имеют более раннюю датировку. Так, например, погребение № 8 могильника Бухусан, в состав инвентаря которого входит тождественный ангарским образцам обоюдоострый изогнутый нож, относится к предскифскому времени (2940 ± 100 л.н. по ¹⁴C) [Гришин, 2000, с. 82]. Происходящий из него клинок обнаруживает выразительное сходство с ножами глазковских погребений второй группы Фофановского могильника [Ивашина, 1979, с. 121], с ножом с р. Чикой [Диков, 1958, табл. XXIX, 62] и с обоюдоострыми клинками усть-мильского типа [Гришин, 1981, с. 174; 2000, с. 82; Дуаконов et al., 2019, p. 360, fig. 11–13]. Последние генетически восходят к бронзовым изделиям глазковской культуры [Федосеева, 1970, с. 141] и датируются XIV–XIII вв. до н.э. [Эртыков, 1990, с. 78–79]. Таким образом, в настоящее время нет каких-либо значимых оснований для отрицания восточносибирского происхождения двулезвийных изогнутых клинков.

Ближайшими аналогиями миниатюрному бронзовому клинку из погребения № 8 (рис. 2 2) являются прямолезвийные бронзовые резцы, происходящие из культурных слоев поселений

Усть-Карабула [Макаров, 2013, с. 142, рис. 8, 16] и Берямба [Гревцов и др., 2010, с. 510]. Определенное сходство прослеживается и с небольшими медными и бронзовыми «ножичками» глазковского времени Байкало-Ангарского региона, сделанными преимущественно из обломков полноразмерных листовидных ножей [Окладников, 1955, с. 36–37].

Каменные наконечники стрел из погребений №№ 8 и 9 (рис. 2, 5, 8) по форме идентичны друг другу и тождественны большинству каменных наконечников стрел из погребений цэпаньской культуры [Привалихин и др., 2015, рис. 3, 1, 7, 9–12, 14, 16–19, 26–28]. Костяные наконечники стрел, напротив, морфологически разнообразны, и только один из них (рис. 2, 14) полностью тождественен некоторым цэпаньским образцам [Привалихин, 2011b, рис. 2, 46–47; 5, 14, 15]. Наконечник с пинцетовидным насадом (рис. 2, 17) отличается от подобных ему [Там же, рис. 2, 50; 5, 18] лишь более удлиненной шейкой. Два других наконечника (рис. 2, 15, 18) обнаруживают аналоги в материалах стоянок Усть-Карабула [Макаров, 2013, рис. 8, 2, 9] и Пашина [Гришин и др., 2016, рис. 21, 2].

Роговые обоймы-посредники в количестве 4 экз. происходят из погребения № 9. Три из них (рис. 2, 10–12) идентичны роговым и костяным посредникам цэпаньской культуры [Привалихин, 2011b, с. 163, рис. 2, 31–35, 40–43; 3, 7–10; 4, 2–8]. Четвертая обойма (рис. 2, 13) имеет уникальную форму, близких аналогов ей нам неизвестно. Данные изделия представляют собой наиболее устойчивый, яркий и самобытный компонент в погребальной практике цэпаньской культуры. Генетические истоки их появления в материалах раннего железного века Приангарья до настоящего времени не установлены. Ранее уже отмечалось, что подавляющее большинство археологических аналогов цэпаньским обоймам обнаружено к северо-востоку от ареала культуры [Герман, Казакова, 2014, с. 86–87]. Основная часть этих находок датирована концом II — серединой I тыс. до н.э. [Зеленская, 2017, с. 10] и, следовательно, хронологически либо предшествует цэпаньской культуре, либо синхронна ей. В последующее время костяные посредники на территории Приангарья не встречаются, но получают повсеместное распространение у народов севера Дальнего Востока [Глинский, 1986, с. 12; Нефедкин, 2003, с. 79, 80].

К той же категории находок условно относится обнаруженная в погребении № 9 роговая насадка в виде полой обоймы (рис. 2, 9). Внешне она идентична свистункам, распространившимся на территории Северной и Центральной Азии в хунно-сяньбийскую эпоху и продолжавшим бытовать здесь вплоть до этнографической современности [Матренин, Серегин, 2019, с. 107; Харинский, 2003, с. 120]. Аналогичных предметов скифского и более раннего времени нам неизвестно. Вместе с тем из погребения № 3 могильника Пашино происходят две костяные обоймы со сквозной втулкой, одна из которых по форме и размерам тождественна найденной нами [Дроздов и др., 2005, рис. 6, 9; Привалихин, 2011b, рис. 3, 12]. Ее отличает лишь отсутствие боковых отверстий, что, вероятно, является вариантом конструкции данного типа изделий.

Фрагменты предметов неясного назначения включают два обломка костяных пластинчатых накладок из погребения № 8. Первый из них (рис. 2, 3) отдаленно напоминает костяную пластину из погребения № 3 стоянки Пашина [Дроздов и др., 2005, с. 54, рис. 6, 12]. Второй (рис. 2, 4) тождественен фрагменту костяного изделия, найденному в культурном слое памятника Усть-Тушама-1 и интерпретированному как «фрагмент диадемы с тонкой гравировкой» [Славинский и др., 2014, с. 121].

Найденный в погребении № 9 фрагмент изделия из бронзы в виде обломанного стерженька с двумя шляпковидными навершиями (рис. 2, 6) не имеет известных нам близких аналогов в материалах Приангарья. Отдаленно данный фрагмент напоминает навершия шильев с двурярусной шляпкой, хорошо известных по материалам тагарской культуры. Также в погребении № 9 был найден бронзовый «сплеск» (рис. 2, 7). Следует отметить, что «сплески» и лом бронзовых изделий были встречены в культурном слое памятника и вне контекста каких-либо объектов. Поэтому связь последних двух предметов с погребением представляется условной.

Рассматриваемые объекты представляют собой неглубокие грунтовые ямы удлиненно-овальной формы, ориентированные по линии СЗ–ЮВ, параллельно бровке террасы. Такое направление в Северном Приангарье характерно для погребений эпохи бронзы [Дударек, Лохов, 2014, табл. 1], в то время как в раннем железном веке преобладает ориентировка могил по линии ЮЗ–СВ и/или перпендикулярно реке [Привалихин, 2011b, с. 168]. В частности, на о. Сергушкин все известные цэпаньские ингумации ориентированы перпендикулярно реке (Сергушкин-1 пункт «А», погр. №№ 3 (2008), 5 (2012); Сергушкин-3, погр. №№ 1, 13).

В обоих случаях на дно могил без какой-либо системы были помещены расчлененные и уже мацерированные человеческие останки. Судя по заполнению погребения № 8, положенные в яму женские кости были покрыты берестой, жердями и, вероятно, присыпаны землей. После

этого в могиле или поверх нее был разведен костер, в результате чего древесно-берестяная часть заполнения почти полностью выгорела, а кости под ним неравномерно обуглились. В погребении № 9 были захоронены останки индивидов и части древесно-берестяного покрытия (?), подвергнутого сильному термическому воздействию на стороне.

На территории Байкальского региона обряд частичного сожжения трупа в могильном пространстве фиксируется с исаковского времени [Горюнова, 2002, с. 12; Базалийский, 2012, с. 87]. Для серовских погребений установлено, что это осуществлялось путем разведения костра поверх присыпанного землею берестяного покрытия могилы [Горюнова, 2002, с. 11, 23, 30; Базалийский, 2012, с. 95; Привалихин, 2013, с. 78–80, 88–89; рис. 4]. В китойское время получает широкое распространение традиция вторичного захоронения останков умерших, в том числе после их частичной кремации на стороне [Базалийский, 1998, с. 14; Лбова и др., 2008, с. 139]. Тот же обычай продолжал бытовать и в эпоху бронзы: частичная кремация в виде обожжения/сожжения отдельных частей погребенного отмечена для единичных погребений позднеглазковского времени Прибайкалья [Горюнова, 2002, с. 18, 27; Окладников, 1955, с. 318–319] и Северной Ангары [Привалихин, 2011а; Дударек, Лохов, с. 72–73]. Для первого этапа цэпаньской культуры раннего железного века (VIII–V вв. до н.э.), наряду с полной или парциальной ингумацией останков, также характерно присутствие следов внутримогильного костра [Славинский и др., 2012, с. 198–199; Адамов и др., 2015, с. 25; Гаркуша и др., 2013, с. 187; Герман, Казакова, 2014, с. 80–81; Привалихин, 2011b, с. 164, 168].

Таким образом, репрезентативная часть инвентаря рассматриваемых могил полностью соответствует традиционным представлениям о материальном комплексе цэпаньской культуры раннего железного века. В то же время некоторые детали обряда (ориентация ям параллельно реке, частичная кремация на месте или на стороне) отличаются от представленных в других цэпаньских комплексах, в том числе исследованных на о. Сергушкин, сближаясь с более ранними погребальными традициями Байкало-Ангарского региона.

Калиброванный календарный интервал⁴ радиоуглеродных дат погребений №№ 8 и 9 Сергушкин-3, без крайних значений, находится в пределах XV–X вв. до н.э., т.е. древнее нижней хронологической отметки цэпаньской культуры минимум на два столетия. Это второй случай, когда захоронение с инвентарем цэпаньского типа по ¹⁴C оказывается более ранним, чем принятые хронологические рамки культуры. Так, для погребения № 4 на стоянке Пашина были получены две даты: уголь и береста — 3700 ± 150 л. н. (SPb-220), кость человека — 3040 ± 120 л. н. (Le-9092) [Гаркуша и др., 2013, с. 193; Гришин и др., 2016, с. 31]. Первая дата была отвергнута исследователями в связи с предполагаемым «эффектом старого дерева». На основании второй даты погребение было отнесено к концу II — началу I тыс. до н.э. [Гаркуша и др., 2013, с. 193; Гришин и др., 2016, с. 31].

Ранее В.И. Привалихиным подвергнута сомнению ранняя ¹⁴C-дата по бересте из погребения с двумя трехлопастными бронзовыми наконечниками (Сергушкин-3, погр. № 1) — 2720 ± 90 л.н. (КРИЛ-623а) [Стариков и др., 1991, с. 144; Привалихин, 1993, с. 93]. Сейчас, при калибровке указанной даты современными методами, ее широкий календарный интервал (95,4 %) соответствует XII–VI вв. до н.э., т.е. не противоречит датировке автора раскопок [Привалихин, 1993, с. 94].

Для другого погребения (Сергушкин-3, погр. № 13), содержащего «скифскую» торевтику и изделие из железа, была получена дата 2278 ± 100 л.н. (SPb_384) [Герман, Казакова, 2014] (предпочтительный калиброванный календарный интервал (68,3 %) — V–II вв. до н.э.), что полностью совпадает с традиционной хронологией цэпаньских комплексов.

Таким образом, на сегодняшний день получены радиоуглеродные даты для пяти погребений с цэпаньским инвентарем (табл.; рис. 4). Даты двух комплексов (Сергушкин-3, погр. №№ 1, 13) укладываются в хронологический диапазон, предложенный В.И. Привалихиным для цэпаньской культуры раннего железного века, — VIII–II вв. до н.э. В этих погребениях присутствуют бронзовые изделия скифского времени (трехлопастные наконечники стрел, s-видная и бабочковидная бляшки). Для трех других комплексов (Сергушкин-3, погр. №№ 8, 9; Пашина, погр. № 4), в которых отсутствуют «скифские» аналогии, получено в общей сложности шесть дат, калиброванный интервал которых соотносится с периодом поздней бронзы (середина II — начало I тыс. до н.э.).

⁴ Приведенные в статье калибровки радиоуглеродных дат осуществлены с помощью программы OxCal v. 4.4.3 Bronk Ramsey (2021).

Радиоуглеродные даты погребений цэпаньской культуры. Калибровки радиоуглеродных дат осуществлены с помощью программы OxCal v. 4.4.3 Bronk Ramsey (2021)

Radio-carbon dates for the Tsepan culture burials. Presented calibrated values have been obtained with the program OxCal v. 4.4.3 Bronk Ramsey (2021)

Объект	Индекс	Материал	Дата ^{14}C (п.н.)	Калиброванный возраст	
				1 σ (68,3 %)	2 σ (95,4 %)
Пашина, погр. 4	SPb-220	Уголь, береста	3700 \pm 150	2337–1888 BC	2564–1691 BC
Пашина, погр. 4	Le-9092	Кость человека	3040 \pm 120	1426–1123 BC	1532–932 BC
Сергушкин 3, погр. 1	КРИЛ-623а	Береста	2720 \pm 90	981–801 BC	1190–595 BC
Сергушкин 3, погр. 8	SPb-147	Уголь	3165 \pm 130	1609–1262 BC	1744–1055 BC
Сергушкин 3, погр. 8	SPb-148	Уголь	2945 \pm 130	1379–996 BC	1441–834 BC
Сергушкин 3, погр. 9	SPb-149	Уголь	3325 \pm 80	1730–1508 BC	1873–1433 BC
Сергушкин 3, погр. 9	SPb-150	Уголь	3050 \pm 140	1492–1112 BC	1612–923 BC
Сергушкин 3, погр. 13	SPb-384	Уголь	2278 \pm 100	465–171 BC	749–52 BC

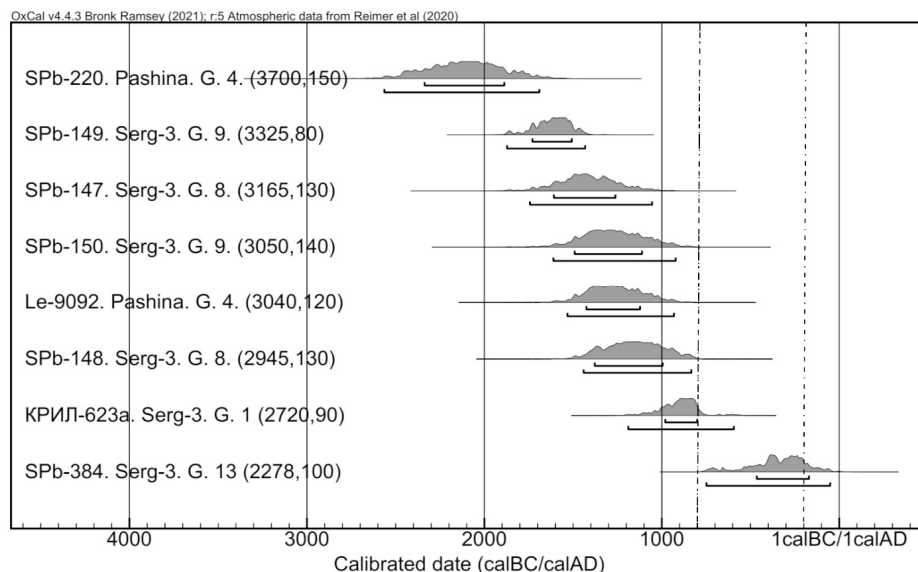

Рис. 4. Радиоуглеродные даты погребений цэпаньской культуры. Пунктирными линиями выделен хронологический диапазон цэпаньской культуры по В.И. Привалихину [2011].

Fig. 4. Radio-carbon dates for the Tsepan Culture burials. A dashed line is used for the chronological range of the Tsepan Culture according to V.I. Privalikhin.

В настоящее время выделение отдельных комплексов эпохи поздней бронзы Северного Приангарья затруднено как из-за отсутствия радиоуглеродных дат, так и ввиду практики культурно-хронологической атрибуции материалов лишь на основании их сходства с ранее опубликованными. В результате в археологии региона сформировался мнимый культурно-хронологический разрыв между памятниками эпохи развитой бронзы и раннего железного века [Дударек, Лохов, 2014, с. 74]. Ранее уже высказывалось предположение о том, что начало цэпаньской культуры совпадает с финалом бронзового века [Дударек, Лохов, 2014, с. 74; Гришин и др., 2016, с. 31]. К этому же периоду относят становление и развитие цэпаньской (усть-карабульской) керамической традиции [Мандрыка, Сенотрусова, 2014, с. 75–76; Мандрыка, Сенотрусова, 2019, с. 100]. Поэтому представляется вполне допустимым, учитывая специфику материалов, их датированные аналогии из сопредельных регионов и полученные радиоуглеродные даты, заполнить образовавшуюся лакуну культурогенеза в период поздней бронзы Северного Приангарья комплексами описанных выше погребений с о. Сергушкин.

Заключение

Сегодня под термином «цэпаньская культура» объединены все материалы раннего железного века от устья Ангары до впадения в нее р. Тушамы, а также типологически близкие им захоронения на Лене и Енисее [Привалихин, 2011b, рис. 1, с. 169–170]. Их появление связывается

с проникновением в VIII–VI вв. до н.э. на Ангару и далее на восток населения с территории Алтая, Тывы и Южной Сибири. Результатом их взаимной ассимиляции с местными глазковскими племенами стало формирование новой культуры ярко выраженного синкретического «скифотаежного» облика [Привалихин, 2011b, с. 166]. Однако анализ ряда погребальных комплексов с инвентарем цэпаньского типа позволяет предполагать, что генезис цэпаньской культуры приурочен к предшествующему периоду эпохи поздней бронзы. По результатам радиоуглеродного датирования погребения №№ 8 и 9 Сергушкина-3, а также погребение № 4 стоянки Пашина атрибутированы в пределах второй половины II тыс. — начала I тыс. до н.э. Полученные даты, особенности обряда и состав сопроводительного инвентаря указанных комплексов актуализируют дискуссионность вопросов хронологии и происхождения цэпаньской культуры Северного Приангарья.

Вероятно, следует признать более широкие хронологические рамки бытования таких категорий цэпаньского комплекса, как бронзовые серповидные кинжалы и роговые обоймы-посредники. Эти изделия представляют собой наиболее устойчивый, яркий и самобытный «таежный» компонент цэпаньской культуры, но их присутствие в составе инвентаря погребений само по себе не является очевидным хронологическим маркером объекта раннего железного века. Вполне возможно, что часть цэпаньских погребений, в материалах которых отсутствует «скифский» компонент (трехлопастные наконечники стрел, торевтика и пр.), относятся к более раннему времени, хронологически совпадающему с эпохой поздней бронзы.

В связи с этим актуализируется дальнейшее изучение вопроса происхождения цэпаньской культуры. Ранее установлено, что ее основным этническим субстратом явились автохтонные племена глазковцев [Привалихин, 2009, с. 304; 2011b, с. 168]. Однако в погребениях №№ 8 и 9 Сергушкина-3 цэпаньский комплекс представлен в уже сложившемся виде, чуждом для памятников глазковской культуры Северного Приангарья. Это обстоятельство дает основание предполагать, что «таежный» компонент цэпаньского комплекса не связан с глазковскими популяциями Северного Приангарья. Скорее всего формирование цэпаньской культуры стало результатом миграционных процессов, происходивших в регионе на рубеже эпох бронзы и железа. Единичные находки керамики ымыяхтахского, улахан-сегеленняхского и усть-мильского облика в культурных слоях памятников Северного Приангарья [Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., 2015, с. 12; Абдулов и др., 2013, с. 16; Гурулев, Максимович, 2016, рис. 13, 19, с. 189; Леонтьев и др., 2017; Бердникова и др., 2014, с. 165, рис. 5, 1] фиксируют процесс спорадического проникновения на эту территорию групп носителей инокультурных традиций с северо-востока Сибири. Именно из этого региона происходят наиболее ранние аналогии ангарским бронзовым серповидным кинжалам [Эртюков, 1990, с. 78–79] и костяным обоймам-посредникам [Алексеев и др., 2006, с. 49, 52; рис. 11, 1–4]. Вероятно, в последующее время имел место и обратный отток части цэпаньского населения в бассейн р. Лены, повлекший за собой сходство в материальной культуре раннего железного века Северного Приангарья и Якутии [Привалихин, 2011b, с. 167; Степанов, 2014, с. 41; Дьяконов, 2015, с. 13–14].

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № 0286-2021-0011 ЕГИСУ АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Ручей Дубинский I // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 5–18.

Абдулов Т.А., Абдулов А.Т., Алтухов В.В. Результаты спасательных археологических работ на многослойном геоархеологическом объекте Отико II // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2013. № 2. С. 7–18.

Адамов А.А., Данилов П.Г., Турова Н.П. Погребения со стоянки Окуневка в Северном Приангарье // Евразия в кайнозое: Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 19–29.

Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кердюген // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. 2 (26). С. 45–52.

Базалийский В.И. К проблеме пространственной и хронологической интерпретации погребений эпохи раннего неолита на территории Байкальской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 10–18.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита — неолита Байкальской Сибири: Традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. 2012. № 1 (9). С. 43–101.

Бердникова Н.Е., Роговской Е.О., Бердников И.М., Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Дударек С.П., Соколова Н.Б., Тимощенко А.А., Попов А.А., Харламова Н.В. Стоянка им. Генералова (р. Чуна): Результаты охранно-спасательных работ 2013 года // Известия ИРГУ. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 150–191.

Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Погребения на стоянке Пашина (Северное Приангарье): Проблемы определения хронологической и культурной принадлежности // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 186–197.

Герман П.В., Герман В.В. Комплекс захоронений по обряду трупосожжения на стороне на памятнике Сергушкин 3: (Предварительное сообщение) // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: Проблемы, поиск, открытия. Красноярск, 2011. С. 218–220.

Герман П.В., Казакова Е.А. Новые материалы цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 80–89.

Герман П.В., Савельева А.С. Новые данные о бронзах Северного Приангарья // III археологический конгресс: Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИздатНаукаСервис, 2010. С. 81–83.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит — бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 84 с.

Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л. Спасательные работы Берябинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 509–514.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гурулев Д.А., Шнайдер С.В., Кулик Н.А., Васильев С.К., Кербс Е.А. Стоянка Пашина в Северном Приангарье: (Исследования 2008–2009 годов). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 168 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции; Т. 2).

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. М.: Старый сад, 2000. 128 с.

Гурулев Д.А., Максимович Л.А. Керамика бронзового века Северного Приангарья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы VII Междунар. науч. конф. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. Т. I. С. 185–194.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958. 140 с.

Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Привалухин В.И. К вопросу о хронологической принадлежности погребений стоянки Пашино в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2005. Вып. IV. С. 50–57.

Дударек С.П., Лохов Д.Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья: Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 54–80.

Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт: (К вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4 (13). С. 12–15.

Зеленская А.Ю. Костяные изделия Усть-Бельского могильника и некоторые вопросы культурного взаимодействия в неолите на севере Дальнего Востока // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 5–14. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-005-014>

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск: Наука, 1979. 155 с.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита — раннего бронзового века Забайкалья (Формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 248 с.

Леонтьев С.Н., Герман П.В. Погребение бронзового века на памятнике Сергушкин 3 (Северное Приангарье) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. № 3. С. 80–88. <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2020-4-3-80-88>

Леонтьев С.Н., Герман П.В., Рыбин Е.П. Некоторые образцы керамики с памятников острова Сергушкин (Северное Приангарье) // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения ученого и общественного деятеля Н.К. Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 2017. С. 177–180.

Макаров Н.П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 130–175.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 63–81.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Керамические комплексы бронзового века Нижней Ангары: Проблемы хронологии и культурной принадлежности // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в евразийском культурном пространстве: (Новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф.: К 100-летию отечественной академической археологии. СПб., 2019. Т. II. С. 98–101. <https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-98-101>

Материалы погребений грунтового могильника Сергушкин-3 в Северном Приангарье...

Матренин С.С., Серегин Н.Н. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2019. № 3 (107). С. 104–113. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2019\)3-18](https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)3-18)

Нефедкин А.К. Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб: Петерб. Востоковедение, 2003. 352 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III: Глазковское время. М.; Л., 1955. 376 с. (МИА; № 43).

Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 90–95.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. Альманах № 4: Палеонтология. Спелеология. Археология. Этнография. История. Красноярск, 2009. С. 300–310.

Привалихин В.И. Исследование погребений раннего бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-2 в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) // Второй век подвижничества. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011а. С. 184–202.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2011b. С. 161–183.

Привалихин В.И. Исследование погребений стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 73–91.

Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Бронзовые серповидные кинжалы-бебуты цэпаньской культуры раннего железного века Северного Приангарья // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 139–144.

Славинский В.С., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Казакова Е.А., Милютин К.И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 194–205.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А., Цыбанков А.А., Зольников И.Д., Васильев С.К., Сердюк Н.В., Слепченко С.М., Марковский Г.И., Милютин К.И., Исаков Г.Т. Археологические комплексы стоянки Усть-Тушамы-1 (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 109–123.

Стариков Э.В., Жидовленко В.А., Горожанкина С.М. Радиоуглеродные датировки института леса и древесины им. В.Н. Сукачева СО АН СССР. Сообщение 5 // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1991. № 60. С. 142–146.

Степанов А.Д. История исследований железного века Якутии // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. 2014. Вып. 2 (11). С. 33–42.

Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1970. С. 128–142.

Харинский А.В. Оружие эвенков северного побережья озера Байкал в XVIII–XIX вв. // Известия лаборатории древних технологий. 2003. № 1 (1). С. 113–133.

Эртюков В.И. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. М.: Наука, 1990. 149 с.

Dyakonov V., Pestereva K., Stepanov A., Mason O. The spread of metal and metal production technology in the Far Northeast and Alaska over the second millennium BC to the first millennium AD // World Archaeology. 2019. Vol. 51. No. 3. P. 355–381. <https://doi.org/10.1080/00438243.2019.1708785>

ИСТОЧНИКИ

Глинский Е.А. Лук и стрелы народов Северо-Востока Сибири как историко-культурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. 23 с.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья: (Цэпаньская культура): Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993.

German P.V. *, Leont'ev S.N.

Institute of Human Ecology FRC CCC SB RAS
Leningradskiy prosp., 10, Kemerovo, 650065

E-mail: lithos@mail.ru (German P.V.); lemosk1@mail.ru (Leont'ev S.N.)

Materials from the burials of Sergushkin-3 ground cemetery in the Northern Angara region: on the issue of chronology and geneses of the Tsepan Culture

The Sergushkin-3 ground cemetery (Northern Angara region), studied in 1974-2011, included 24 burials of the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages. The cultural and chronological attribution of some com-

* Corresponding author.

plexes is polemical. The purpose of this article is to introduce into scientific discourse materials from burials 8 and 9, including the results of contextual and comparative study of funeral and commemorative practices of these assemblages, as well as paleo-anthropological data and radiocarbon dates. Burial 8 contains macerated, broken and partly burned bones of a 25–30 year old woman and represents an oval pit oriented along the river. According to the grave contents, the remains of the dead woman were burnt in the burial pit. She was accompanied with two sickle type bronze blades, a stone arrowhead and two bone plates. The burnt tree samples provided the radiocarbon ages of 3165 ± 130 BP (SPb_147) and 2945 ± 130 BP (SPb_148). Burial 9 contains macerated, partly broken and burnt bones of a young 18–20 year old man and a young 16–20 year old woman in a ground pit oriented along the river. The partial cremation of the remains was performed outside. The deceased were accompanied with a piercing tool made of moose splint bone, one stone and four bone arrowheads, four horn arrowhead sockets and a hollow horn collar. The burnt tree samples were radiocarbon dated to 2790 ± 100 BP (SPb_381) and 2750 ± 100 BP (SPb_382). The grave goods of both burials are similar to those of the Tsepan Culture of the Early Iron Age (8th–2nd c. BC), while the calibrated calendar interval of their radiocarbon ages is within 15th–10th c. BC. It agrees with the dates of the same “early” Tsepan burial 4 on the Pashina settlement (late 2nd — early 1st mil. BC). The recorded details of funeral rites of these burials are typical for earlier assemblages in the Baikal-Angara region. The sickle type bronze blades and horn sockets are unique for the Bronze Age materials in Angara and Baikal regions, but they impressively resemble the curved knives and bone sockets of the pre-Scythian period from Yakutia and Trans-Baikal region. Based on the above, a suggestion has been made regarding the initial stage of formation of the Tsepan Culture as having been the result of migration processes in the region in the second half of the 2nd mil. BC.

Keywords: Northern Angara region, Sergushkin island, burials, Bronze Age, Early Iron Age, Tsepan Culture, radio-carbon dating.

Funding. The research has been conducted as part of the State mission of the Ministry of Sciences and Higher Education of the Russian Federation No. 0286-2021-0011 ЕГИСУ АААА-А21-121012090006-0 "Social and cultural genesis and trans-border interaction of the ancient and Middle Ages societies in the contact zones of Western and Middle Siberia".

REFERENCES

- Abdulov, T.A., Abdulov, A.T. (2015). Results of the rescue archaeological works on the multilayer geoarchaeological site Ruchey Dubininskiy I. *Evrasiia v kainozoe. Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*, (4), 5–18. (Rus.).
- Abdulov, T.A., Abdulov, A.T., Altukhov, V.V. (2013). Results of archaeological survival excavation of geoarchaeological multilayers site Otiko II. *Evrasiia v kainozoe: Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*, (2), 7–18. (Rus.).
- Adamov, A.A., Danilov, P.G., Turova, N.P. (2015). Burials of the Okunevka site in Northern Angara region. *Evrasiia v kainozoe: Stratigrafiia, paleoekologiya, kul'tury*, (4), 19–29.
- Alekseev, A.N., Zhirkov, E.K., Stepanov, A.D., Sharaborin, A.K., Alekseeva, L.L. (2006). Burial of an Ymyakhtakh warrior in Kyordyughen, Yakutia. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 26(2), 45–52. (Rus.).
- Bazaliiskii, V.I. (1998). On the problem of spatial and chronological interpretation of Early Neolithic burials on the territory of Baikal Siberia. In: *Paleoekologiya pleistotsena i kul'tury kamennogo veka Severnoi Azii i sopedel'nykh territorii. T. 2*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 10–18. (Rus.).
- Bazaliiskii, V.I. (2012). Burial complexes of the late Mesolithic — Neolithic period of Baikal Siberia: Burial traditions, absolute age. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*, 9(1), 43–101. (Rus.). <http://ildt.istu.irk.ru/journals/2012/1>
- Berdnikova, N.E., Rogovskoi, E.O., Berdnikov, I.M., Lipnina, E.A., Lokhov, D.N., Dudarek, S.P., Sokolova, N.B., Timoshchenko, A.A., Popov, A.A., Kharlamova, N.V. (2014). Generalov site (Tchouna river): Results of rescue excavations in 2013. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (7), 150–191. (Rus.). <http://izvestiageoarh.isu.ru/ru/article?id=164>
- Dikov, N.N. (1958). *Bronze Age of Transbaikalia*. Ulan-Ude. (Rus.).
- Drozdov, N.I., Leont'ev, V.P., Privalikhin, V.I. (2005). On the question of the chronological affiliation of the burials at the Pashino site in the Northern Angara region. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*, (4), 50–57. (Rus.).
- Dudarek, S.P., Lokhov, D.N. (2014). Burial Complexes of the Bronze Age in the Northern Angara Region. Chronology Problems and Cultural Identity. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (7), 54–80. (Rus.). <http://izvestiageoarh.isu.ru/ru/article?id=163>
- Dyakonov, V.M., Bravina, R.I. (2015). Nyurba Bronze Celt: (The Questions of Cultural Relations Between Yakutia and Adjacent Territories in the Paleometal Epoch). *Severo-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 13(4), 12–15. (Rus.).
- Dyakonov, V., Pestereva, K., Stepanov, A., Mason, O. (2019). The spread of metal and metal production technology in the Far Northeast and Alaska over the second millennium BC to the first millennium AD. *World Archaeology*, 51(3), 355–381. <https://doi.org/10.1080/00438243.2019.1708785>
- Ertukov, V.I. (1990). *Ust-Mil'skaya culture of the Bronze Age of Yakutia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Fedoseeva, S.A. (1970). New data on the Bronze Age of Yakutia. In: *Po sledam drevnikh kul'tur Iakutii*. Iakutsk, 128–142. (Rus.).

Материалы погребений грунтового могильника Сергущин-3 в Северном Приангарье...

- Garkusha, Iu.N., Marchenko, Zh.V., Grishin, A.E. (2013). Burials of "Pashina site" (the Northern Angara river basin): Problems of defining of chronological and cultural background. *Vestnik NGU. Seriya Istorii, filologii*, 12(7), 186–197. (Rus.). <http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/12-7-garkusha-marchenko-grishin>
- German, P.V., German V.V. (2011). The complex of burials according to the rite of corpse burning on the site at the monument Sergushkin 3: (Preliminary message). In: *Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii: Problemy, poisk, otkrytiya*. Krasnoiarsk, 218–220. (Rus.).
- German, P.V., Kazakova, E.A. (2014). New materials on the Tsepanskaya culture of North Priangarye (burial 13 from Sergushkin-3 burial ground). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (26), 80–89. (Rus.). http://www.ipdn.ru/_private/a26/80-89.pdf
- German, P.V., Savel'eva, A.S. (2010). New data on the bronzes of the Northern Angara region. In: *III arkheologicheskii kongress: Tezisy dokladov*. Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: IzdatNaukaServis, 81–83. (Rus.).
- Goriunova, O.I. (2002). *Ancient burial grounds of the Baikal region (Neolithic and Bronze Age)*. Irkutsk: IGU. (Rus.).
- Grevtsov, Iu.A., Lysenko, D.N., Galukhin, L.L. (2010). Rescue work Beryambinskoye detachment Boguchany archaeological expedition IAE SB RAS in 2010. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2010 g. T. 16*. Novosibirsk: IAET SO RAN, (XVI). 509–514. (Rus.).
- Grishin, A.E., Marchenko, Zh.V., Garkusha, Yu.N., Gurulev, D.A., Shnaider, S.V., Kulik, N.A., Vasiliev, S.K., Kerbs, E.A. (2016). *Pashina site in North Angara region (researching 2008–2009). Proceedings of Bogushan archaeological expedition. Vol. 2*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Grishin, Iu.S. (1981). *Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe Transbaikalia*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Grishin, Iu.S. (2000). *Issues of periodization of the Neolithic and Eneolithic in the Cis-Baikal and Transbaikalia*. Moscow: Staryi sad. (Rus.).
- Gurulev, D.A., Maksimovich, L.A. (2016). Pottery of the Northern Angara region Bronze Age. In: *Drevnaya kul'tura Mongolii, Baikal'skoi Sibiri i Severnogo Kitaia: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. T. 1*. Krasnoiarsk: SFU, 185–194. (Rus.).
- Ivashina, L.G. (1979). Neolithic and Eneolithic of the forest-steppe zone of Buryatia. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Kharinskii, A.V. (2003). Weapons of the Evenks on the northern coast of Lake Baikal in the 18th–19th centuries. *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*, 1(1), 113–133.
- Lbova, L.V., Zhabaltarova, E.D., Konev, V.P. (2008). *The funeral complexes of the Neolithic — Early Bronze Age of the Transbaikal region: (The formation of the archetypes of primitive culture)*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Leont'ev, S.N., German, P.V. (2020). Bronze Age burial mound on Sergushkin 3 site (Northern Angara region). *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 4(3), 80–88. (Rus.). <https://doi.org/10.31806/2542-1158-2020-4-3-80-88>
- Leont'ev, S.N., German, P.V., Rybin, E.P. (2017) Some samples of ceramics from the sites of Sergushkin Island (Northern Angara). In: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii, etnografii i istorii Sibiri: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 125-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo i obshchestvennogo deiatelia N.K. Auerbakha (1892–1930)*. Krasnoiarsk, 177–180. (Rus.).
- Makarov, N.P. (2013). Ust-Karabula site and issues of archeology of the Northern Angara region. In: *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii*. Krasnoiarsk, 130–175. (Rus.).
- Mandryka, P.V., Senotrusova, P.O. (2014). Cultural and Chronological Complexes of the Site Itomiura of the Paleometal and the Middle Ages in the Northern Angara Region. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, (8), 63–81. (Rus.). <http://izvestiageoarh.isu.ru/ru/article/file?id=49>
- Mandryka, P.V., Senotrusova, P.O. (2019). Ceramic complexes of the bronze age on the lower Angara: Problems of chronology and cultural belonging. In: *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri v evraziiskom kul'turnom prostranstve: (Novye dannye i kontseptsii): Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii: K 100-letiiu otechestvennoi akademicheskoi arkheologii. T. II*. St. Petersburg, 98–101. (Rus.). <https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-98-101>
- Matrenin, S.S., Seregin, N.N. (2019). Bone (Horn) Arrowheads of Nomads of Altai at the Boundary of Antiquity and the Middle Ages. *Izvestiia AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, 107(3), 104–113. (Rus.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2019\)3-18](https://doi.org/10.14258/izvasu(2019)3-18)
- Nefedkin, A.K. (2003). *Chukchi warfare in the 17th c. to the early 20th c.* St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (Rus.).
- Okladnikov, A.P. (1955). Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. Part. III: Glazkovskoe time. Moscow; Leningrad. (Rus.).
- Privalikhin, V.I. (1987). Complex of materials from the Scythian time of the Sergushkin-3 site. In: *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepei Evrazii*. Kemerovo, 90–95. (Rus.).
- Privalikhin, V.I. (2009). Burials of the Bronze Age of the Sergushkin-3 site and burial ground on the Lower Angara (flood zone of the Boguchanskaya HPP). In: *Eniseiskaia provintsii. Al'manakh № 4: Paleontologiya. Speleologiya. Arkheologiya. Etnografiya. Istorii*. Krasnoiarsk, 300–310. (Rus.).
- Privalikhin, V.I. (2011a). Investigation of early Bronze Age burials at the Sergushkin-2 site and burial ground in the Northern Angara region (Flooded zone of the Boguchanskaya hydroelectric power station on the Lower Angara). In: *Vtoroi vek podvizhnichestva*. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 184–202. (Rus.).

Privalikhin, V.I. (2011b). Tsepan culture of the early Iron Age of the Northern Angara region. Discovery history, results and research prospects. In: *Vtoroi vek podvizhnichestva*. Krasnoarsk: Krasnoarskii kraevoi kraevedcheskii muzei, 161–183. (Rus.).

Privalikhin, V.I. (2013). Investigation of the burials of the Sergushkin-1 site and burial ground, point “A” in the Northern Angara region. In: *Arkheologicheskie issledovaniia drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii*. Krasnoarsk, 73–91. (Rus.).

Privalikhin, V.I., Drozdov, N.I., Makulov, V.I. (2015) Bronze crescent-shaped bebut daggers of the Tsepan culture representing Early Iron Age in the North Angara region. *Vestnik KemGU*, 62(6), 139–144. (Rus.).

Slavinskii, V.S., Anoikin, A.A., Rybalko, A.G., Kazakova, E.A., Miliutin, K.I. (2012). The archaeological complexes of Koda-3 site (the Northern Trans-Angara territory). *Vestnik NGU. Seriya Istorii, filologiya*, 11(7), 194–205. (Rus.).

Slavinskii, V.S., Rybin, E.P., Rybalko, A.G., Anoikin, A.A., Tsybankov, A.A., Zol'nikov, I.D., Vasil'ev, S.K., Serdiuk, N.V., Slepchenko, S.M., Markovskii, G.I., Miliutin, K.I., Isakov, G.T. (2014) Archaeological complexes from Ust-Tushama-1 site (Northern Trans-Angara basin). *Vestnik NGU. Seriya Istorii, filologiya*, 13(7), 109–123. (Rus.).

Starikov, E.V., Zhidovlenko, V.A., Gorozhankina, S.M. (1991). Radiocarbon dating of the Institute of Forest and Timber named after V.N. Sukachev of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Message 5. *Biulleten' Komissii po izucheniiu chetvertichnogo perioda*, (60), 142–146. (Rus.).

Stepanov, A.D. (2014) History of research of the Iron Age of Yakutia. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii IrGTU*, 11(2), 33–42. (Rus.).

Zelenskaia, A.Iu. (2017) The bone artifacts of the Ust-Belaya burial ground, and some issues of cultural interaction in the Neolithic on the north of the Far East. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 39(4), 5–14. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2017-39-4-005-014>

Герман П.В., <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Леонтьев С.Н., <https://orcid.org/0000-0002-6231-4043>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.12.2021

Article is published: 21.03.2022